

(Начало на 3-й стр.).

— Да вот, сбил. Пустяки. Василий Михайлович вытащил из кармана носовой платок и перевязал парню ссадину.

— Терентий, у тебя есть веревочки? Дай Петру! Парень руки ободрал. — Закричал Корнев на берег. Слова потонули в темноте, за баржей.

После короткого молчания донесся ворчливый голос:

— У меня тоже не железные. Заказу не было брать лишних.

Петр молча подошел к трубе и взялся за нее. И опять пошел металл на берег. Оттуда доносились металлические удары бросаемых в общую кучу труб...

Когда баржа была пуста, все сошли на берег и наскоро соорудили палатку. Развели костер напротив входа, при багровом веселом свете поужинали консервами и улеглись спать, тесно прижавшись друг к другу. Сон тяжелой плитой валился на всех...

С трудом раскрывая глаза и ежась от холода, Петька кое-как понял, чего от него требуют. Над ним стоял Василий Михайлович и, тормоша за плечи, ласково бубнил:

— Вставай же, Петр. Беда нашла. Дождь так и хлещет во всю матушку.

Петька вскочил и выглянул в проем палатки. В скудном дрожащем свете хлестал ливень. Земля жирно блестела и слабо отсвечивала влагой. Все уже были на ногах.

она достигла колен и полезла выше. Холодные кольца уже обжигали тело. А трубы носили и носили...

Терентий не выдержал, солено выругался и ушел в тайгу. Вскоре он вернулся с охапкой сучьев и свалил их на старое кострище.

ИСПЫТАНИЕ

— Река набухает. Трубы залетят... План не выполним... Подведем ребят... — доносились до сознания Петьки обрывки фраз.

Он, наконец, понял: трубы надо не медля переносить выше. Иначе их скроет водой и тогда жди, когда она спадет. Таежная, северная река не замедлила преподнести свой сюрприз, как и предсказывал Корнев. И штабелю труб подбиралась темная холодная вода и всплескивала мелкими волнами. Трубы стали таскать парами метров за пятнадцать от старого места. Петька сразу промок, куртка стала холодной.

Вода приближалась катострофически быстро. Вскоре

— Больше не лезу в воду. Здоровье мне дороже этих труб. Костер разведу...

— Петька костром займется. — на ходу бросил Корнев и снова шагнул в воду.

Терентий криво усмехнулся, подмигнул в темноту и снова ушел в тайгу, где ветер и дождь спорили шумливо в густой хвое.

В голове у Петьки гудело, руки остыли и были словно деревянные. Пальцы не гнулись в суставах. Но он, удерживая равновесие, шагнул и шагнул в воду за Корневым, Зубовым и Аникиным. Он боялся, что эти люди заметят его усталость и отправят в палатку. Глаза жгло от обиды за свою слабость. Выбивались

слезы. Но неутраченные и дождь смывал их на лице. И никто не видел слез. И Петька был рад дождю. Нагнувшись за очередной ношей, Петька покачнулся и ткнулся обеими руками в воду, едва удержавшись на ногах. Подхватил его под мышки Корнев и отвел к палатке.

— Побудь здесь. Управимся — с десятком осталось...

Петька не мог удержать дрожь. Тело горело, но его трясло от холода. В наступившем рассвете, тугом и унылом, лицо его было мертвенно бледным. Он уже не различал лиц мужчин. Пред ним двигались неясные сидухи, сливались в одну широкую тень, и он не различал уже, в какую сторону кто шел. Его не грел костер, огонь прыгал студеными языками в глазах. Слабо воспринял Петька сигналы подошедших автомашин. Когда его укутали в полушубок и отвели в кабину машины, до слуха, будто из-под земли, донеслись слова:

— Парень что надо. Такой самый, десяток Бусыгиных заменит. Осторожней вези...

И тепло разлилось где-то внутри у Петьки, и ему стало хорошо в зыбком забытьи.

Тайга споро занималась новым днем.

П. ШМАКОВ

// Ленинский шахтёр, 1972, 24 июня, с. 4.